

История и архивы

УДК 930.25(470.47)

DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-12-19

Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов

Кеemia В. Орлова

*Институт востоковедения Российской академии наук,
Москва, Россия, orlovnk@mail.ru*

Аннотация. В статье анализируются письма калмыцкого хана Аюки, хранящиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия. До XVIII в. калмыцкий архив находился в составе Астраханского губернского архива, в конце XVIII – начале XIX в. вошел в состав местного управления Калмыкии. После Октябрьской революции 1917 г. базой для создания калмыцкого архива стал архив Управления калмыцким народом. Сегодня калмыцкий архив – уникальное хранилище документов начиная с 1713 г.

Письма калмыцких ханов отложились в фонде 36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе», и часть их опубликована, написаны на старокалмыцком (ойратском) языке с переводом на русский. Язык писем крайне лаконичен, многое недосказано, часть информации, вероятно наиболее важная, передавалась устно через посланников. В них отражена жизнь калмыков и их владельцев, панорама взаимоотношений российской власти, соседних народов с калмыками. Письма калмыцких ханов, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия, – это ценнейший источник, который дает возможность рассмотреть не только русско-калмыцкие отношения по восходящей, нюансы взаимоотношений калмыцких ханов с русской властью, но и отношения внутри самого ханства, связи между ханом и его детьми и внуками, между ханом и калмыцкими владельцами.

Ключевые слова: архив, письма, калмыки, Аюка хан, Калмыцкая степь, русско-калмыцкие отношения

Для цитирования: Орлова К.В. Национальный архив Республики Калмыкия: письма калмыцких ханов // История и архивы. 2019. № 3. С. 12–19. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-12-19

National archives of the Republic of Kalmykia: Letters of the Kalmyk Khans

Keemia V. Orlova

*Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, orlovnk@mail.ru*

Abstract. The article analyzes Kalmyk Khan Ayuka's letters kept at the National Archives of the Republic of Kalmykia. Until the 18th century, the Kalmyk archives was part of the Astrakhan provincial archives, subsequently, in the late 18th – early 19th centuries it developed into a structural unit of the local government of Kalmykia. After the October revolution of 1917, the archives of the Kalmyk people administration became the basis for the creation of the Kalmyk archives. This institution is now a unique repository of documents since 1713.

The letters of the Kalmyk Khans are located in Fund 36 “Attached to Kalmyk affairs under the Astrakhan governor”. Some of them have been published. The letters are written in old Kalmyk (Oirat) language with the translation into Russian. The language of the letters is extremely laconic, much has been left unsaid, the most important information must have been transmitted orally through envoys. Letters of the Kalmyk Khans, preserved in the National Archives of the Republic of Kalmykia, are a valuable sources that provide the opportunity to consider not only the Russian-Kalmyk relations, the nuances of the relationship between the Kalmyk Khans and the Russian authorities, but also the relationship within the Khanate, between the Khan and his children and grandchildren, between the Khan and the Kalmyk noyons.

Keywords: archives, letters, Kalmyks, Ayuka Khan, Kalmyk steppe, Russian-Kalmyk relations

For citation: Orlova KV. National archives of the Republic of Kalmykia: Letters of the Kalmyk khans. *History and archives*. 2019;2:12-19. DOI: 10.28995/2658-6541-2019-3-12-19

Введение

Появление калмыков является поистине уникальным событием в истории России: на ее территории пришлый народ обрел место постоянного проживания. Длительный и изнурительный переход на российскую территорию оправдал надежды кочевников: Россия получила верных союзников, которые встали на защиту ее границ, целостности и более того – внутренней стабильности. Калмыки же, вступив в военно-политический союз с русской/российской властью, обрели новую родину. На пустующих пространствах возникла мощная военная сила, которая не только прикрывала южные

и юго-восточные рубежи России против Османской Турции, набегов азовских и крымских татар и др., но и привлекалась для разрешения внутренних конфликтов. Привлечение новых подданных в борьбе против внешних врагов и внутренних бунтовщиков – причина доброжелательного и лояльного отношения к ним российской власти. Все это предопределило курс на сохранение калмыками особого административно-правового обустройства, в рамках которого власть сохранялась за калмыцкими правителями. Автономия в делах местного управления успешно сочеталась со взятым российской властью обязательством соблюдать относительный суверенитет в отношении основанного Калмыцкого ханства. Ситуация в корне изменилась после исхода калмыков в 1771 г., возглавляемого наместником ханства Убаши.

Ведомства, управлявшие калмыками

Делами калмыков ведал Посольский приказ¹, преобразованный позднее (1718) в Коллегию иностранных дел. Делами пришлого народа ведало образованное в 1715 г. учреждение «Калмыцкие дела», местопребывание которого вначале находилось при ставке калмыцкого хана, затем в следующей последовательности – Саратов, Царицын, Енотаевская крепость. После упразднения Калмыцкого ханства (1771 г.) оставшимися калмыками занималась губернская канцелярия «Экспедиция калмыцких дел»². Затем последовали дальнейшие преобразования этого учреждения. Однако наряду с организационными мероприятиями российское правительство целенаправленно проводило в жизнь кочевников законодательные акты. Проведенные за короткий период времени законы (Правила 1825 г., Положение 1834 г., Положение 1847 г.) окончательно включили их в российскую систему управления. Земли Калмыцкого ханства стали внутренней провинцией страны и отныне назывались Калмыцкой степью Астраханской губернии с административным центром в г. Астрахань.

¹ Дела Посольского приказа откладывались в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), хранились в фонде 119 «Калмыцкие дела» и охватывали период с 1616 по 1800 г. В связи с передачей большей части фонда 119 «Калмыцкие дела» в Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ) (с 1720 по 1800 г.) в РГАДА остались дела, относящиеся к 1616–1719 гг. При передаче части дел фонда 119 из РГАДА в АВПРИ номер, название фонда и принцип расположения материалов остались прежними.

² НА РК (Национальный архив Республики Калмыкия). Ф. 7. Оп. 4. Д. 127; Ф. 36. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 9, 10, 17. Л. 13 об.

Архив калмыков

До XVIII в. калмыцкий архив находился в составе Астраханского губернского архива, в конце XVIII – начале XIX в. стал структурным подразделением «ряда органов местного управления Калмыкией» [1 с. 27]. После Октябрьской революции 1917 г. базой для создания калмыцкого архива стал архив Управления калмыцким народом³. Согласно декрету СНК РСФСР «О реорганизации и централизации архивного дела» (01.06.1918) было положено начало организации архивного дела в новом государстве. Декрет СНК РСФСР «О губернских архивных фондах» (31.03.1919) обусловил создание региональных (губернских, областных) государственных архивов по всей территории России, прерванное в период Гражданской войны. В Калмыкии начало создания национального архива было положено в 1921 г., когда была учреждена архивно-музейная секция при Калмыцком областном отделе народного образования (Калмобоно). В 1922 г. преобразован в архивный отдел ЦИК Калмобласти, в том же году реорганизованное в архивное бюро. Возглавлял архив все эти годы профессор Астраханского университета Николай Николаевич Пальмов (краткое время архив Управления калмыцким народом возглавлял чиновник по особым поручениям, коллежский асессор Ф.И. Плюнов) [2].

Сегодня Национальный архив Республики Калмыкии – хранилище уникальных документов, начиная с 1713 г.⁴

Письма калмыцких ханов отложились в фонде И-36 «Состоящий при калмыцких делах при Астраханском губернаторе»⁵, и часть их опубликована [3]. Письма написаны на старокалмыцком (ойратском) языке с переводом на русский язык. К этому периоду уже существовал штат подготовленных переводчиков. Язык писем крайне лаконичен, и если не знать обстановку, то порой сложно понять, о чем идет в них речь. Многое недосказано, часть информации передавалась устно через посланников, о чем уведомлялось в письмах: «У посланника есть устное сообщение»; «устное сообщение есть у посланника»; «посланнику поручил сделать сообщение, так как устно можно сказать больше» [3 с. 77, 79, 81, 86, 90, 91 и т. д.]. В них отражена жизнь калмыков и их владельцев, панорама взаимоотношений российской власти, соседних

³ ПСЗРИ (Полное собрание законов Российской империи). Собрание второе: В 55 т. Санкт-Петербург: Тип. 2-го отделения Е.И.В. канцелярии, 1830–1885.

⁴ Фонды Национального архива Республики Калмыкия. 1713–1993. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 2002. 206 с.

⁵ НА РК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 127; Ф. 36. Оп. 1. Д. 1, 2, 6, 9, 10, 17.

народов с калмыками. К сожалению, в архиве нет ответных писем российских властей. Есть надежда, что они будут выявлены в РГАДА и АВПРИ.

Самым большим в количественном отношении в Национальном архиве Республики Калмыкия (НА РК) сохранились письма хана Аюки⁶ и его старшего сына Чагдоржаба. Личность хана многогранна и всеобъемлюща. Его детство прошло в Джунгарии, до 12-летнего возраста воспитывался в Джунгарии у своего деда по материнской линии – Эрдэни Батур-хунтайджи, далее его привезли в калмыцкие степи.

В монографии калмыцкого исследователя А.Д. Сусеевой опубликовано 171 письмо – самого Аюки хана, его старшего сына Чагдоржаба и внука Досанга [3 с. 73–159]. Письма датируются 1714–1724 гг., т. е. от времени, когда хан Аюка возглавлял Калмыцкое ханство, до его ухода из жизни. В письмах, весьма кратких и скупых, часто встречаются просьбы на присылку «в изобилии продуктов»: проса, риса, дынь, яблок, арбузов, сахара, ведра нарезанной капусты, муку и др. [3 с. 78, 82, 84, 85, 99, 108, 119, 132], а также (чаще со стороны Чагдоржаба), например, вина, спирта, водки [3 с. 78, 84, 85, 87]. Помимо провианта часто испрашивали порох, свинец, железо, серу, селитру, ядра [3 с. 84, 87, 89, 91, 119, 132]. Просьбы присылки последних компонентов вполне можно объяснить. Калмыки пришли на территорию, вытеснив с традиционных мест обитания ногайцев (в русских документах их часто именовали кубанские татары), поэтому часто случались стычки между ними. Для защиты своих семей и новой территории поселения калмыки и просили, помимо пропитания, взрывчатые смеси для обороны. Калмыки добросовестно исполняли свои обязательства перед российской властью: «калмыцкие тайши во главе с Аюкой ханом остались верны договоренностям, заключенным с российским правительством» [3 с. 16]. В письме от 1714 г. Аюка сообщает астраханскому боярину М.И. Чирикову:

⁶ В 1669 г. калмыков возглавил тайша Аюка. За короткое время он сумел расправиться с противниками и подчинить их своей власти. Начавшаяся при его деде (Дайчине) и отце (Мончаке) централизация власти завершилась к концу XVII в. образованием Калмыцкого ханства. В 1690 г. Аюка принял ханский титул от Далай-ламы без согласия российского правительства. Долгое время власти не признавали Аюку ханом, в переписках астраханского воеводы он звался тайшой. Только в 1708 г. впервые астраханский воевода П.М. Апраксин в отписке в Приказ Казанского дворца называет его ханом. См.: Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. 1. Вып. 7. Башкирские востания в XVII и первой половине XVIII в. М.; Л.: АН СССР, 1936. 691 с.

...у нас захватили 230 семей. Вы говорите, что наступил мир. А захват людей продолжается. <...> Дайте ответ: воевать или соблюдать мир [3 с. 79, 80].

Чагдоржаб в июле 1719 г.:

Под началом карамурзы катый-кипчакское войско выступило в поход. Говорят, что это достоверно. Ниже Царицына дайте караулы для каждой переправы. Эта весть правда. Я всегда выступаю в защиту царя и нашего общего дела [3 с. 117].

В 1721 г., август, Аюка пишет: «Побеседуй с Чагдоржабом, уточните, какое количество (мало или много) войска надо, куда идти и что делать» [3 с. 123]. В письме от 1715 г. Чагдоржаб сообщает:

Я прибыл на озеро... Будет хорошо, если ваше войско выступит сейчас. <...> ...если придет враг, то будем воевать. Если даже не придет вражеское войско, то ваши и наши татары пойдут и разве не скажут, что калмыков и русских связывает одно общее дело (служба), что они едины [3 с. 91].

Еще одно письмо Аюки хана от февраля 1719 г.:

Именно живя вместе, защищая друг друга, будет нам лучше... [3 с. 113].

Эти письма подтверждают союзнические отношения калмыков и российской власти. Внутри- и внешнеполитическое положение было крайне сложным: булавинское восстание (1707–1708), русско-турецкая война (1710–1713), Северная война (1700–1721), непрекращающиеся набеги азовских и крымских татар. Калмыки не раз доказывали свою надежность и преданность как в составе действующей российской армии, так и самостоятельно.

Однако не все письма Аюки и его сыновей столь благостны, и не только обременены прошениями, встречаются и взаимные претензии, ссоры между русскими и калмыками, когда калмыки брали в плен или захватывали скот у русских или русские крестили захваченных калмыков, либо не доставляли ежегодное жалование или продовольствие⁷. В архиве сохранилось письмо (№ 163, 1722 г.), когда прямо высказывается претензия внука хана Аюки, Досанга, астраханскому губернатору А.П. Волынскому:

⁷ ПСЗРИ. Собрание второе: В 55 т. СПб.: Тип. 2-го Отделения Е.И.В. канцелярии, 1830–1885.

Когда была русско-башкирская война, мой отец (Чакдоржаб. – К.О.) возглавил войско. Он напал на башкир, освободил русских, захваченных башкирами в плен, и привел башкир в повиновение русскому императору. Когда была битва со шведами под Полтавой, то мой отец снова возглавил калмыцкое войско. В этом деле он проявил большое усердие и упорство. Он ходил с [П.М.] Апраксиным на Кубань. Когда татарское войско напало на русских, то (отец) разгромил противника и захватил много пленных. В этом деле (отец) тоже проявил большое упорство и усердие. Теперь вы видите, как мой старший брат Бата, не жалея сил, верно служит. Не так ли? За те четыре дела императорское жалование приходит нашему хану (Аюке. – К. О.). Нам ничего не дают. Вы, знаете об этом или нет? Это дело, как старшему брату (имеется в виду А.П. Волынский. – К. О.), я поручаю Вам [3 с. 155–156].

Действительно, во всех упомянутых в письме мероприятиях участвовал старший сын Аюки – Чакдоржаб.

Заключение

Таким образом, письма калмыцких ханов, сохранившиеся в Национальном архиве Республики Калмыкия, – это ценнейший источник, который дает возможность рассмотреть не только русско-калмыцкие отношения по восходящей, нюансы взаимоотношений калмыцких ханов с русской властью, но и отношения внутри самого ханства, связи между ханом и его детьми и внуками, между ханом и калмыцкими владельцами. Материалы писем значимы еще и тем, что в них найдут сведения и историки, и этнологи, и языковеды, и религиоведы, и культурологи.

Литература

1. Бурчинова Л.С. Источниковедческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калмыцкое книжное изд-во, 1980. 118 с.
2. Плюнов Ф.И. Калмыцкий народ и октябрьская революция: 1919–1924 гг. / Сост. И.В. Лиджиева, М.И. Кичеева. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 432 с. (Серия “Manuscriptum Orientalica”).
3. Сусеева Д.А. Письма хана Аюки и его современников (1714–1724): Опыт лингво-социологического исследования. Элиста: АПП «Джангар», 2003. 456 с.
4. Тепкеев В. Т. Участие калмыков в подавлении булавинского восстания // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 6–19.

References

1. Burchinova L.S. Source Studies of the History of Kalmykia (the second half of the 19th century). Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.; 1980. 118 p. (In Russ.)
2. Plyunov F.I. Kalmyk people and the October Revolution. 1919–1924. Compiled by IV. Lidzhieva, M.I. Kicheeva. Elista: KIGI RAN Publ.; 2016. 432 p. (“Manuscriptum Orientalica” Series). (In Russ.)
3. Suseeva D.A. Letters of Khan Ayuka and his Contemporaries (1714–1724): Experience of Lingvosociological Studies. Elista: APP «Dzhangar», 2003. 456 p. (In Russ.)
4. Tepkeev V.T. Kalmyk Participation in the Suppression of the Bulavin Rebellion. *Novyi istoricheskii vestnik*. 2017;3:6-19. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00012. (In Russ.)

Информация об авторе

Кеemia В. Орлова, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; orlovnk@mail.ru

Information about the author

Keemia V. Orlova, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of Oriental Studies, Moscow, Russia; bld. 12, Rozdestvenka str., Moscow, Russia, 107031; orlovnk@mail.ru